Георгий Чулков

Парадиз

Георгий Чулков

Парадиз

«Public Domain»
1909

Чулков Г. И.

Парадиз / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1909

ISBN 978-5-457-12836-1

«Жить стала Наташа, как во сне. Тяжело засыпала под утро. Часто просыпалась, вскакивала с постели и, босая, бежала к умывальнику; обливаясь водой, пила воду жадными глотками прямо из графина и потом опять клала свою угарную голову на подушку, чтобы все забыть и уснуть…»

ISBN 978-5-457-12836-1

© Чулков Г. И., 1909
© Public Domain, 1909

Содержание

I 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Георгий Иванович Чулков
Парадиз

Александру Блоку

I

В тот, памятный для Наташи, вечер шла она от всенощной из церкви Успения. И нельзя было понять, радость или печаль на сердце. Хотелось тишины, и любви.

В сердце еще пел хор: «Се бо Эммануил грехи наши на кресте пригвозди…» А потом слова как-то уплывали из памяти, звучал лишь напев, но на углу Большого проспекта опять вспомнилось: «И живот даяй, смерть умертви, Адама воскресивый…»[1]

«Смерть умертви!.. Хорошо», – думала Наташа, чуть не плача.

– Премудрость, прости, – шептала Наташа с умилением и даже не старалась понять, что это значит. Пусть. Все равно.

Наташа твердо знает, что, когда дьякон скажет торжественные слова, хор полетит, точно на крыльях ангельских, и прозрачные голоса запоют неземную песнь.

И в тот вечер пелась эта песня. Наташа стояла на коленях, забыв обо всем: у нее кружилась голова от счастья. Когда она пришла домой, матери и братишки не было, и за столом сидел вотчим: и по тому, как он неловко уперся локтем на стол, Наташа догадалась, что вотчим пьян.

– А здрасьте, Клеопатра[2] наша! – сказал вотчим. Здрасьте, царица египетская… Важность – фу-ты, ну-ты. А позвольте спросить, откуда спесь. Я ли тебе не как отец родной?

Наташа ничего не ответила и пошла к себе за перегородку.

– Наташка! Чего ломаешься! Тебе говорят: поди сюда. – И не дожидаясь ответа, вотчим сам полез к ней за перегородку.

– Прочь подите. Матушке скажу, – бормотала Наташа, отбиваясь от пьяных и похотливых рук, которые валили ее на постель.

От вотчима горько пахло пивом, и было противно и трудно бороться с этим большим, пьяным, волосатым человеком.

Наконец, Наташа, неловко ударив вотчима по лицу локтем, вывернулась из-под него и без накидки, в одном платке, побежала к тетке.

Весенняя белая ночь пахнула на Наташу теплою влагой, и пока Наташа торопливо шла к дому тетки, ей все казалось, что в небе кто-то поет «Свете тихий» высоким ладом, как мальчики-певчие.

А в доме тетки уже все спали, только сама тетка стояла у комода, в ночной кофте, простоволосая, считала дневную выручку. Наташу расспрашивать не стала. Догадалась, в чем дело. Молча указала на сундук и дала подушку.

Рано утром, перед тем как идти в табачную лавочку, тетка Серафима говорила Наташе нараспев:

---

[1] Слова Воскресной всенощной молитвы благочестивого Патриарха Царьградского Анатолия.

[2] *Клеопатра* (69–30 до н. э.) – последняя царица Египта, с 51 г. была любовницей Юлия Цезаря, после – Марка Антония. После поражения в войне с Римом покончила жизнь самоубийством. В рассказе имя Клеопатры призвано подчеркнуть и гордость героини, и ее будущую «профессию» блудницы.

– И там, милая, люди счастье себе находят. Дарья Ивановна, слава Тебе Господи, живет теперь барыней, а была такой же девчонкой, как ты, бегала по лужам босоногая. Ужо сведу тебя к ней, небось, возьмет: она мне тем боль кума.

Наташа осунулась и побледнела за эту ночь, глаза У нее были печальные и строгие, и жалко было смотреть на ее тоненькую фигурку в нескладном черном платьице. Наташа едва слушала тетку и тихо бормотала:

– Мне все равно, тетушка. Все равно.

Когда после обеда пришли к Дарье Ивановне, у нее сидел гость – молодой человек, белокурый, завитой, в модной паре.

– Значит, мы на вас надеемся, – говорил он, покручивая усики, – заедем за Катюшей на автомобиле в одиннадцать.

Молодой человек простился и ушел, и было слышно, как в коридоре он стучит толстыми «американскими» подошвами.

– Позднякова, заводчика, сынок, – пояснила Дарья Ивановна.

– Я к вам с племянницей, – говорила тетка Серафима, подсаживаясь к столу и принимая из рук Дарьи Ивановны рюмочку померанцевой.

Наташа осмотрелась.

По стенам висели бумажные веера и олеографии с голыми женщинами, на тумбе стоял гипсовый амур, пахло чем-то приторным и сладким.

– Она у вас миленькая, – сказала Дарья Ивановна и притянула к себе Наташу, – худа только, щупленькая. Мы ее, как индюшечку, откормим.

– А это трудно – петь? – спросила Наташа, с недоверием посматривая на Дарью Ивановну.

– Пустяковина. Сегодня попробуем. Вы у меня уж и оставайтесь, пообедаем вместе.

К обеду пришла Катюша, совсем молоденькая, с припухшими губами и утомленными влажными глазами.

«Как же она живет? – думала Наташа. – Как?»

– Это от симпатии моей, – сказала Катюша и поставила на стол букетик из ландышей.

– Ах, уж эти симпатии, – сказала Дарья Ивановна, – одна канитель.

– Помалкивайте лучше, – огрызнулась Катя, – вам бы только запрячь девушку – и больше никаких.

– Ну, ну, – сказала Дарья Ивановна, – девка. Вот в одиннадцать Поздняков на автомобиле заедет. Принарядись.

Когда пришли в сад, на сцене шла репетиция: горбун и горбунья пели шансонетку.

В оркестре сидел один пианист, рыжий человек, с равнодушными глазами.

– Вот, хозяин, новенькая, – сказала Дарья Ивановна, подвигая Наташу к большому усатому господину в цилиндре.

На столах, без скатертей, торчали стулья ножками вверх; какая-то баба в пестрой юбке протирала стекла на веранде.

За кулисами пахло сыростью, масляной краской и шипело электричество.

– Познакомьтесь, – сказала Дарья Ивановна и толкнула Наташу в маленькую уборную. Там сидели три девицы.

– А я никогда не поверю, что мужчины от женщин заражаются, – говорила маленькая брюнетка Аглая, – никогда не поверю. Другой налижется, как сукин сын, а потом – небось – женщина виновата.

– А если со мной случится что, я утоплюсь, – сказала Лидочка, тоненькая девушка лет семнадцати, с японскими глазами и движениями зверька, попавшего в клетку.

На Наташу не обращали внимания. Аглая и Лидочка были одеты мальчиками, а третья девушка, Соня, была в розовом коротком платье, какое делают маленьким детям, в розовых

чулках и туфлях, а в руках держала куклу. От черных полос под веками блестели глаза. Кто-то крикнул:

– Пожалуйте репетировать.

Дарья Ивановна поставила Наташу перед рампою рядом с Соней.

Рыжий пианист забарабанил по клавишам, и Соня запела, поднимая розовое платье и неестественно пристукивая каблуками:

Однажды вечерком
Мы вышли погулять.
Хотелось нам тайком
На воле поиграть.

Соня делала глазки воображаемым зрителям, прижимала куклу к обнаженной груди и пела:

Мы миленькие детки,
Мы любим пирожки
И все мы однолетки —
Подруги и дружки.

Дарья Ивановна заставила Наташу приподнять юбку. И Соня опять запела:

И много уж секретов
Хранится от мамаш,
Порой мы без корсетов
Играем в ералаш.

Наташе казалось, что это сон, что это не по-настоящему, что вот сейчас кто-нибудь засмеется и скажет: «Довольно», – и рыжий пианист, улыбаясь, перестанет барабанить по клавишам, и Соня сотрет румяна и наденет скромное платье. Но сон продолжался.

Пили, стоя у буфета, чай. Потом пошли за кулисы. Пришел венгерец с контрабасом и что-то говорил Соне на непонятном языке и обнимал ее. И контрабас чуть-чуть загудел, когда венгерец неосторожно поставил его в угол.

Вчерашний день казался Наташе далеким прошлым. И темный тяжелый вотчим, и золотая всенощная с ладаном и с таинственным пением – все отошло куда-то в синеватую даль. И голоса оттуда едва долетали, как из другого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.